

НАУКА, ТЕХНИКА, ОБЩЕСТВО

«Возможна ли истина в гуманитарных науках?»

Материалы «круглого стола»

Часть 2

Участники:

Автономова Наталия Сергеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: avtonomovanatalia@gmail.com

Левин Георгий Дмитриевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: g.d.levin@mail.ru

Лекторский Владислав Александрович – доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: v.a.lektorski@gmail.com

Пирожкова Софья Владиславовна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: pirozhkovasophia@mail.ru

Смирнова Наталия Михайловна – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: nsmirnova17@gmail.com

Труфанова Елена Олеговна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: eltrufanova@gmail.com

Черткова Елена Леонидовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: eleon2005@yandex.ru

Круглый стол, проведенный журналом «Философия науки и техники» в марте 2017 г. в Институте философии РАН, собрал ряд ведущих отечественных специалистов в области эпистемологии и философии науки: В.А. Лекторского, И.Т. Касавина, А.Л. Никифорова, Н.С. Автомонову, Н.М. Смирнову, В.П. Филатова, Г.Д. Левина, Е.Л. Черткову, А.В. Родина, С.В. Пирожкову, Е.О. Труфанову. К обсуждению были предложены следующие вопросы: существует ли принципиальная разница между естественнонаучным и гуманитарным знанием, между гуманитарными и социальными науками, между гуманитарными науками и науками о человеке? являются ли гуманитарные исследования знанием о реальности или конструированием реальности? возможны ли эксперименты в гуманитарных исследованиях и гуманитарные технологии? как взаимодействуют гуманитарные знания и социально-культурные мифологии и можно ли их разделить? Участниками были высказаны различные точки зрения относительно перечисленных вопросов.

Ключевые слова: истина, гуманитарные науки, объективность, знание, реальность, реализм, конструктивизм

Н.М. Смирнова. Тезис о методологической конвергенции естественных и социальных наук ныне обрел высокую популярность в профессиональном философском сообществе. Антропологический поворот в философии и осознание социально-конструирующих функций языка, а также вовлечение в предметную область естественных наук саморазвивающихся систем (изучение которых ранее считалось привилегией наук общественных) привело к миграции методов социального анализа в область естественных наук. Одним из первых, кто проложил дорогу «перекрестному опылению» методов, был неокантианец Г. Риккерт. С одной стороны, он противопоставлял обобщающие (номотетические) методы «наук о природе» индивидуализирующим (идиографическим) методам «наук о культуре», с другой – утверждал, что на одном и том же материале могут работать как обобщающие, так и индивидуализирующие методы. Этот методологический постулат Г. Риккерта можно считать философским провозвестником естественнонаучного принципа дополнительности Н. Бора. Хорошие примеры подобной конвергенции дают представители эволюционной эпистемологии: они показывают релевантность методов историзма, герменевтики и экспертной оценки в естественных, прежде всего биологических, науках. Например, онтогенетическое развитие нервной и иммунной систем можно объяснить лишь исторически – как последовательное порождение эмерджентных событий. Наряду с миграцией методов, в биологических науках происходит сближение дескрипции и прескрипции. Вот пример Э. Майера: все птицы имеют крылья. Можно, конечно, считать это законом, но большинство биологов сочло бы это констатацией факта.

Так сохраняют ли сегодня социальные науки методологическое своеобразие, о котором размышляли Г. Риккерт, В. Дильтей, Г. Гадамер, М. Вебер, А. Шюц и другие, или же мы вправе говорить о едином научном методе? Я полагаю, что принципиального различия методов естественных и социальных наук, конечно же, нет. Свидетельство тому – общенаучные методы познания: идеализация, анализ, логический вывод, индукция, дедукция и т. п., а также упомянутая выше миграция методов социальных наук на предметную область естествознания и наоборот. Но вправе ли мы на этом основании говорить о полном совпадении методов естественных и социальных наук? Для ответа на данный вопрос целесообразно выйти за рамки логического анализа науки в область историко-научных реконструкций.

Осознание методологической специфики социально-гуманитарных наук – продукт исторического развития этих дисциплин. Их становление – результат кризиса великих метафизических систем и «обмирщения философии». Усилиями младогегельянской критики классический *ratio* теснят с философского Олимпа его посясторонние аналоги в лице «духа европейской культуры», «духа народа», «самосознания», наконец, языка. Если к концу XIX в. классическое естествознание, ведущее отсчет от математизированной физики Галилея–Ньютона, развивалось в дисциплинарно организованных рамках на основе сложившихся методов внутринаучной рефлексии, то методологическому самоопределению социальных наук еще предстоял долгий процесс становления – «настройки» на специфику своего объекта.

Основатель «социальной физики» О. Конт полагал, что показателем зрелости социальных наук выступает возможность приложения к ним математических методов – тезис, отраженный в его классификации наук. Наследовавший

ему Э. Дюркгейм призывал рассматривать «социальные факты» как вещи. Любое социальное явление следует изучать как взаимодействие социальных фактов-вещей. Но вот парадокс: когда Дюркгейм обращается к анализу статистики самоубийств (почему уровень самоубийств у протестантов выше, чем у католиков, а у мужчин – выше, чем у женщин?), он неявным образом прибегает к использованию тех самых смысловых характеристик, которые «запрещены» его позитивистской социальной методологией. Смысловые характеристики, изгнанные за дверь, стучатся в окно: в кричащем противоречии с установками метода – изучать социальные факты как вещи – они привлекаются к исследованию социологических данных, ибо без них объяснить социальное явление и «встроить» его в общую картину социальной реальности невозможно.

Противоположная методологическая установка, философски куда более изощренная, находит свое выражение в интуитивистской герменевтике В. Дильтея, в идиографической методологии неокантианства (Г. Риккерт, В. Виндельбандт), герменевтике Г. Гадамера, наконец, в «понимающей» социальной методологии М. Вебера и социальной феноменологии А. Шюца.

Отзвуки дебатов о специфике методологии социально-гуманитарных наук слышны на всем протяжении первой половины XX столетия. Их итоги подвел состоявшийся в декабре 1952 г. симпозиум Американской философской ассоциации, на котором рассматривались проблемы формирования понятий и теорий в общественных науках. Предметом дискуссии стало противоречие, более чем на полвека расколовшее на два лагеря не только философов, но и представителей социальных наук. Одни из них придерживались точки зрения, согласно которой лишь методы естественных наук, приведшие к блистательным результатам, должны быть признаны единственно научными, а потому только их и следует использовать для изучения человеческих дел. Недооценка их важности для социальных наук, утверждали сторонники этой позиции (в том числе Т. Нагель и К. Гемпель), не позволила социальным наукам развить когнитивные модели, по эффективности сравнимые с естественнонаучными. Она же породила и споры по эмпирическим основаниям того небольшого числа социальных наук, которые отвечали методологическим требованиям естественнонаучных дисциплин, например, экономики. Представители противоположной точки зрения настаивали на фундаментальном онтологическом различии природного и социального миров. Подобное различие определяло и различие методов.

Принципиальное сходство естественных и социальных наук, разумеется, имеет место: это два мощных ствола единого древа познания, растущие от одного корня. Но их методологическое сходство имеет и свои границы. Пределы методологического родства обусловлены наличием смысловой структуры у социального мира и отсутствием таковой у мира физических объектов (в секулярной научной картине мира). Смысл – важнейшее, конститутивное понятие социальной методологии. Специфика социально-гуманитарного познания состоит в том, что его методы ориентированы на постижение особой, человечески-продуцированной реальности – социально-культурных артефактов человеческого мышления, деятельности и социальной организации. Но социально-культурная реальность, в отличие от объектов естественных наук, до и вне человека не существует. Человеческий мир – это «мир, светящийся смыслом».

Его бытие не сводимо к вещественному субстрату социально-культурных артефактов – материальному носителю культурных смыслов. Ибо физический, дочеловеческий мир «ничего не значит» для объектов, его составляющих. Социальный феноменолог А. Шюц в работе «Специфическая структура конструкторов социальных наук» подчеркивает, что явления природы сами по себе лишены смысла, значимость не присуща природе как таковой, она – результат избирательной и интерпретирующей деятельности человека, занимающегося научными наблюдениями. Факты, данные и события, с которыми имеет дело представитель естественных наук, – это факты, данные и события в поле его научного наблюдения, но само поле ничего не «значит» для находящихся в нем молекул, атомов и электронов. В отличие от мира природы, социальный мир изначально наделен имманентной смысловой структурой: он уже предварительно проинтерпретирован и расчленен в обыденном мышлении еще до того, как стал предметом научного исследования ученого. Социальный, очеловеченный мир изначально «светится собственным смыслом». Развитая социальная наука не может «вынести за скобки» (Э. Гуссерль) подобное различие. Игнорирование этой важнейшей специфики социального объекта ведет к искажающему овеществлению социального мира и теоретической дегуманизации человека. Поэтому современная социальная методология развивает, наряду с общенаучными, собственные специфические методы, адекватные исследованию смысловых характеристик социокультурных объектов.

Е.Л. Черткова. Так возможна ли истина в гуманитарных науках?

Н.М. Смирнова. Если мы будем подходить к гуманитарным наукам и гуманитарным знаниям в целом как философы, эпистемологически, то без понятия истины мы не обойдемся. Можно сколько угодно говорить о правдоподобии, но в той мере, в какой мы являемся философами, мы должны считать понятие истины своей высшей ценностью. Однако это не нивелирует различий. Помните Мопассана: между мужчиной и женщиной по сути очень маленькая разница, и да здравствует эта маленькая разница. Я предлагаю так же относиться к разнице между социально-гуманитарным и естественнонаучным знанием, которую сейчас, в условиях их конвергенции, почему-то пытаются совершенно не замечать. А она есть, и развитые социальные науки не могут ее игнорировать. Если обратиться к истории социальной методологии: ведь не зря же были поиски?! И в неокантиантанстве, и в интуитивистской герменевтике, и в понимающей социологии Вебера, и, особенно, в социальной феноменологии Шюца много наработок, и они превосходят натуралистический подход.

Н.С. Автономова. Главный вопрос круглого стола: возможна ли истина в гуманитарных науках? Если отвечать на него кратко и в целом, я сказала бы, что в известном мне гуманитарном знании истина присутствует, если вообще присутствует, скорее как регулятивная идея. Иначе – увы! – пока не получается. При историческом подходе можно выяснять, что считалось истинным знанием в тот или иной период. Хотя существуют и подходы, позволяющие строить универсально истинные суждения, и это поле может расширяться, о чем скажу позднее. Приведу два примера, иллюстрирующих обозначенные разные возможности.

Первый связан с книгой Мишеля Фуко «Слова и вещи» (1966; рус. пер. 1977). Сейчас я делаю новую редакцию перевода и вижу, какой большой материал эта книга дает для размышлений по всем вопросам, связанным с эпи-

стемологическим статусом гуманитарных наук в новоевропейской культуре. Кстати, «Слова и вещи» и поныне является в России одной из наиболее цитируемых книг – согласно данным РИНЦ, она не уступает, например, «Структуре научных революций» Т. Куна. Когда перевод «Слов и вещей» впервые появился, переводчикам делали разные замечания, в том числе и такое: почему вы перевели подзаголовок книги – «Archéologie des sciences humaines» – как «Археология гуманитарных наук»? Ведь область, называемая нами теперь биологией или экономией, это не «гуманитарные науки», а потому надо было бы сказать «науки о человеке»! Наверное, эти критики не читали или не дочитали книгу, т. к. в ней говорится, что человек появляется в западной культуре в определенный момент и при определенных условиях может исчезнуть... В целом «Слова и вещи» – пример того, как виртуозно можно описать, что считается истиной в тот или иной исторический период: например, как истина в классической эпистеме требует вместить видимый мир в рамки дискурсивного, линейно развертывающегося языка, способного анализировать представления. По Фуко, человеку в привычном нам облике нет места в этой диспозиции, он появляется вместе с «жизнью», «трудом», «языком» в онтологическом пространстве эпистемы XIX в. в связи с распадом единого пространства «представления» и крахом дискурсивной прозрачности языковых описаний. Кстати, у Фуко структурная лингвистика, структурная антропология и психоанализ (лакановский) – это не гуманитарные науки, но как раз то, что им противоположно, потому что в них на первый план выходит не представление и не сознание, но вопрос о бессознательном (и теориях бессознательного).

Творчество Фуко претерпело яркую эволюцию, ее этапы: «археологии знания», проблематика «власти-знания», этика «заботы о себе». С 1990-х гг. его работы начали активно переводиться на русский язык (тогда как в 1977 г. публикация перевода «Слов и вещей» была настоящим чудом!). В октябре 2016 г. в МГУ отмечали 90-летие Фуко (1926–1984), было много участников, в частности, молодежи, выступавшей, правда, в основном по проблемам власти и «правительности» (как переводят слово *gouvernementalité*). Тем не менее, наряду с политико-философскими вопросами, по-прежнему актуален, думаю, и вопрос о так называемой «смерти» человека. Как известно, Фуко приписали примитивное натуралистическое толкование данного тезиса, толкование, которого у автора не было. Скорее это был тезис о своеобразии мысли о человеке в разные периоды развития культуры. Бурная публичная полемика вокруг «Слов и вещей», идеологическая возгонка того, что нуждалось в историко-эпистемологической проработке, оставили намеченные вопросы нераскрытыми. Поэтому сейчас, мне кажется, важно вернуться к этим вопросам, проанализировать и ложно привычное понятие гуманизма, которому Фуко отказывает в объяснительной функции, и формы его отрицания («теоретический анти-гуманизм», приписываемый Л. Альтюссером К. Марксу) в историческом, теоретическом и мировоззренческом контексте. Незавершенность, быстрое угасание этих французских дискуссий 1960-х гг. в дальнейшем негативно проявилось во всевозможных аберрациях вокруг «трансгуманизма» и «пост-человека».

Второй сюжет касается истины в универсальном смысле, попыток строить точное знание, обладающее универсальным значением, не ограниченное историческим контекстом, – по крайней мере, в филологии, которая имеет дело

с языком, с текстами. В 1920-е гг. Борис Исаакович Ярхо (1889–1942), выдающийся российский медиевист, историк и теоретик литературы, стиховед, переводчик, предложил для того, чтобы достичь научности, точности филологического знания, использовать квантифицированный сравнительный анализ с элементами эксперимента. Возьмем в качестве примера французский эпос «Песнь о Роланде». О его стиле были споры, были диаметрально противоположные оценки: можно ли считать это произведение ярким, красочным, или скорее монохромным? Если принять показателем «красочности» стиля наличие в тексте тропов и фигур, а затем сравнить по этому показателю европейские эпосы того же времени, мы получим ответ: «Песнь о Роланде» – архикрасочное произведение, потому что оно изобилует тропами и фигурами. И такое суждение будет доказанным, истинным, удовлетворяющим заранее принятым критериям, на таких суждениях можно строить науку.

Б.И. Ярхо основывал свою концепцию на методологическом приоритете сравнительно-статистических исследований, а также использовал терминологический аппарат естествознания, прежде всего биологии. Он был поистине маргинальным формалистом своей эпохи. Но он верил в свою концепцию и устремлял взор в будущее, которое видел в определенной перспективе. В работе «Методология точного литературоведения» Б.И. Ярхо отмечал, что, кладя количественный учет и микроанализ в основу исследования, он только предлагает сделать для литературоведения то, что полтора столетия тому назад сделал для химии Лавуазье. Ярхо считал Лавуазье творцом современной научной химии – ведь во флогистонной теории химия «стояла на голове» – и не сомневался, что аналогичные результаты его собственных методологических новаций не заставят себя ждать. Соратников не было, позиция Ярхо воспринималась почти всеми как маргинальная, Государственная академия художественных наук разваливалась. Судьбы двух членов академии Б.И. Ярхо и Г.Г. Шпета были трагически похожи. Ярхо попал в тюрьму по общему со своим теоретическим противником обвинению – делу о шпионской фашистской организации или, иначе, «делу о словарниках», а в дальнейшем разделил его судьбу – и в ссылке, где написал свой главный труд «Методология научного литературоведения», и в скорой смерти. Ярхо умер от туберкулеза в 1942 г., Шпет был расстрелян в 1937 г.

Противостояние программ интуитивистской феноменологии, которая кладет в основу интуицию и смысл, и эмпирического позитивизма, для которого смысл может быть лишь итогом, а не исходной точкой, ярко выявилось на публичном диспуте Ярхо и Шпета в 1924 г. (Тезисы докладов Г.Г. Шпета и Б.И. Ярхо на тему «О границах научного литературоведения» опубликованы в собрании работ Г. Шпета «Искусство как вид знания. Избр. тр. по философии культуры». М., 2007.) В этом споре и в других своих работах Ярхо и Шпет предстают как оппоненты практически во всем. Однако при более близком рассмотрении оказывается, что между ними есть и общие моменты: критика Риккерта; тезис о единстве методов в науках о природе и науках о духе, хотя и имеющий разные основания; понимание науки как логического изложения результатов познания, приобретенного любым путем; и др. Кстати, Ярхо вовсе не говорит, что математика для него – ключ ко всему или отмычка от всей дверей. Однако в результате подсчетов и сопоставлений можно дать

объективное основание таким понятиям, как «новизна», «оригинальность», а потому иначе построить, например, историю литературы. Если проанализировать все написанное Шекспиром (или приписанное ему), а кроме того, все известные сочинения его блестящих современников, можно составить «нейтральный» словарь языка эпохи и в дальнейшем использовать его для ответа на вопрос, в частности, о том, какие слова, метафоры у тех или иных авторов этого времени оригинальны, а какие, напротив, затерты и обычны. Подобные сравнительно-статистические исследования огромного масштаба позволят в какой-то момент перейти от примет языка, риторики, стиля к тематике и смыслам, но переход этот будет не началом, а итогом. Ярхо говорил: нужно сто лет. И еще: дайте мне институт, мы получим необходимые данные, а потом будем их интерпретировать.

Е.Л. Черткова. С компьютером они быстро бы все это сделали...

Н.С. Автономова. Еще бы! М.Л. Гаспаров, который нашел книгу Ярхо в 1960-е гг. в архивах и стал ее пропагандировать, сам использовал изложенные в ней идеи (правда, переосмысливая биологические метафоры и понятия в культурном и историческом ключе), надеялся, что в эпоху современных технологий с этим делом можно будет управиться и за жизнь одного поколения. Перспективы сравнительно-статистического анализа блестяще реализовались в гаспаровском стиховедении (эту область он считал единственно научной среди многих других областей своей работы), а число стиховедов, которые идут этим путем, причем не только в России, увеличивается, как можно судить по ежегодным, проводимым в РГГУ, международным гаспаровским конференциям.

В заключение скажу так: суждения о гуманитарном знании требуют четкого осознания своего места, специфики своего материала, т. к. сфера гуманитаристики очень разнородна и, в частности, велика разница между вербальными или вербализуемыми содержаниями и невербальными областями. Наряду со «спецификацией» места гуманитарного познания нельзя терять из виду другой, не специфицирующий полюс: как говорил В.С. Швырёв в одной из своих поздних статей, в общем мировоззренческом смысле нужно всегда исходить из единства природы и человека, сочетания и взаимодействия присутствующих им начал в единой системе Универсума. На мой взгляд, необходимо напомнить и о том, как важны для философии науки любые попытки расширить границы «объективного» познания в гуманитарных исследованиях; споры об этом не прекращаются, в разные периоды они приобретают новый облик и новый смысл.

В.А. Лекторский. Мне кажется, что в интересном выступлении Наталии Сергеевны показано (на примере Ярхо и «точного литературоведения»), что, по крайней мере, в некоторых гуманитарных науках и в определенных условиях можно получать вполне объективное, а значит, истинное знание. Поэтому нуждается в коррекции тот тезис, с которого Наталья Сергеевна начала свое выступление: что в известном ей гуманитарном знании истина присутствует (если присутствует) скорее как регулятивная идея. Конечно, истина играет важнейшую роль регулятивной идеи в любом научном познании – как естественнонаучном, так и гуманитарном. Но если бы использование этой регулятивной идеи не давало результатов, т. е. получения истинных знаний, она давно была бы отброшена. Нельзя истину уподобить синей птице, которая ускользает, как

только пытаешься ее схватить (как в известной пьесе М. Метерлинка). Истинных знаний немало: не только в науках о природе, но и в науках гуманитарных и социальных. Примеры таких знаний уже приводились участниками нашего обсуждения. Говорила об этом и Наталья Сергеевна.

С.В. Пирожкова.* На вопрос о достижимости истины в гуманитарном познании можно ответить либо прибегнув к каким-то общим теоретико-познавательным соображениям, либо двигаясь от конкретного материала. В форме отклика на выступления коллег я выскажу ряд соображений и общего, и более частного характера.

Мне представляются принципиально важными две идеи. Первая – идея неспецифичности, универсальности понятия истины: если мы говорим о научном познании и вообще о познании, то без понятия истины обойтись невозможно, хотя понимать его сегодня нужно иначе, чем оно понималась на протяжении большей части истории философии. В частности, необходимо различать абсолютную истину и относительную, т. е. конечную цель познания и то, что мы получаем на каждом этапе продвижения к этой цели.

На поставленный Ильей Теодоровичем вопрос, присущ ли науке общий тип рациональности или у каждой области научного знания имеется своя рациональность, я в свете сказанного ответила бы так: рациональность, которой руководствуется ученый, имеет несколько уровней. Понятия истины и знания как того, что имеет референт в объективном мире и в той или иной степени отражает характеристики этого референта, составляет самую суть общенаучной рациональности. Физик-теоретик стремится понять, как устроена материя, а не просто создать непротиворечивую интерпретацию опытных данных. Так же и социальный антрополог ставит перед собой задачу не приписать что-то исследуемому сообществу, а наиболее многомерно описать его (в том числе через сопоставления).

Однако нужно выделять и специфику рациональности материаловеда, астронома, биохимика, историка, литературоведа, экономиста-теоретика и т. д. Она обусловлена спецификой объекта и, как следствие, спецификой того, что Андрей Вячеславович (это вторая идея) определил как процедурность понятия истины. Недостаточно утвердительно ответить на вопрос о достижимости истины, надо определить, как зафиксировать то, что мы обладаем истиной. Это общепринятое разведение двух проблем: определения истины и определения критериев истины. В научной практике, по сути, положительно решаются оба вопроса, но критерии, благодаря которым теория и связанная с ней система фактов принимаются в качестве знания, т. е. в качестве относительной истины, различаются от дисциплины к дисциплине. Кроссдисциплинарные взаимодействия, фиксируемые терминами «конвергенция», «междисциплинарность», «перенос теоретических схем/методов», позволяют не трактовать различие критериев истины как аргумент в пользу релятивизма и антиреализма. При этом отличаются не только критерии, используемые в естественнонаучной области, с одной стороны, и гуманитарной – с другой, но и критерии, применяемые в отдельных дисциплинах внутри каждой области.

* Работа С.В. Пирожковой выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Прогнозирование и его место в системе научного знания: эпистемологический анализ» № 15-03-00875.

Та же история может строиться как гуманитарное исследование, как дисциплина социологического типа (например, уже упоминавшаяся экономическая история) и даже как естественнонаучное изыскание (в рамках археологии, физической антропологии, палеобиологии, палеогенетики). В каждом исследовании будут применяться свои методы и действовать специфические принципы рациональности, но будут обнаруживаются и общенаучные методы, подходы и требования. Открывая учебник истории, мы, по идее, встречаемся с синтезом результатов, полученных предметно и методологически отличающимися дисциплинами. Когда Александр Леонидович упоминал, что факты физического характера неизменны, он проигнорировал принципиальный момент: человеческие действия отражаются в физических фактах, и довольно существенная часть действий и фактов позволяет говорить о намерениях – интенциях людей. Если вокруг умершего размещают предметы повседневного обихода, то это с большой вероятностью свидетельствует о том, что в обществе распространены представления о загробной жизни. Мы можем зафиксировать это предположение в качестве рабочей гипотезы и для ее проверки вывести, например, ретросказание о наличии тематики загробной жизни в изобразительном творчестве представителей данного общества. И так далее. Конечно, абсолютно достоверной наша гипотеза может и не стать, но, как известно, и в естественнонаучной области такая достоверность далеко не всегда достижима.

Классический историк как ученый, работающий с источниками, реалистически ориентирован и нацелен на поиск истины. Историческое изыскание, конечно, может реализовываться и в целях коммеморации, но это уже не чисто исследовательская практика, а скорее, гуманитарная технология. Некоторые методологические подходы современной исторической науки можно рассматривать как открывающие путь к построению теории такой технологии. Что мешает вообще отказаться от истории как науки и свести ее к указанной технологии? Мне представляется, мешает следующее: на пересечении релятивных описаний и фактов-конструкций обнаруживается нечто инвариантное, выход на «то, как было на самом деле».

Что касается проблематичности процедуры интерпретации как скорее искажающей, чем позволяющей понять/познать объект гуманитарного познания, то это проблема, общая для любого вида познания. Тот факт, что в гуманитарном познании невозможна экспериментальная проверка, не означает, что здесь интерпретации не отбраковываются. Мы в состоянии определить, какое исследование «Критики чистого разума» релевантно объекту, а какое – спекуляция, противоречащая содержанию работы Канта. Здесь я хочу подчеркнуть следующее: философское или художественное произведение как объект работающего с их смыслами гуманитарного исследования – принципиально не завершено. Литературовед, специалист по культурной антропологии и философ решают проблемы, связанные с описанием и объяснением, схватывающими смысловой, культурный, художественный потенциал исследуемого объекта. Но при этом можно и должно различать в исследовании моменты фиксации и достраивания смыслов, и, несмотря на плюрализм научных интерпретаций, каждая из них должна иметь основания и предпосылки в исследуемом объекте. В противном случае мы отказываем ему в автономности, самоценности и самозначимости, и что-то более противоречащее идеалу гуманитарного познания как понимающего и внимающего человеческому миру, трудно себе представить.

Реалистская установка реализуется даже в исследованиях, имеющих дело с описанием перспектив развития какого-то объекта. Причем я говорю не только о формализованных методах, моделировании естественных систем, но и о таких, например, как экспертное прогнозирование технологического прогресса, линию развития которого еще Э. Янч в своей программной работе 1967 г. «Технологическое прогнозирование в перспективе» видел как сближение познавательной деятельности и конструктивной, связанной с планированием и проектированием. Сегодня эта линия усиливается в форме технологических форсайтов, которые, особенно в случае их проведения с участием представителей гражданского общества, в большей степени являются выражением общественных чаяний в границах возможного, чем прогнозами. Тем не менее даже здесь сохраняется понимание адекватности прогноза – или прогнозной составляющей форсайта – как того, что описывает состояния и ситуации, достижимые из текущих состояний и ситуаций. Фиксация условий достижимости и делает прогноз научным, позволяя опираться на него при принятии решений.

Завершая свое выступление, я хотела бы обратить вопрос об истине на ту область гуманитарного знания, в которой все собравшиеся за этим столом работают и которую знают лучше любой другой дисциплины, но о которой все промолчали. Конечно, с истиной в философии дело обстоит непросто. Мы сразу погружаем в дискуссионных вопросах: является ли философия наукой? познавательной деятельностью? есть ли особое философское знание? и т. д. Не вдаваясь в соответствующую проблематику, скажу следующее: эволюционная теория познания, энактивистский и экстерналистский подходы позволяют говорить о знании не только как о представлении или суждении, но и как об определенной программе деятельности и взаимодействия с миром. Я имею в виду не то, что программа – это дескриптивное знание, но то, что любое дескриптивное знание преобразуется в программу наших действий. Философия закладывает фундамент программ различных видов деятельности – познавательной, преобразовательной, научной, инженерно-проективной, творчества и т. д. Поэтому и в философии как области, вырабатывающей знания о фундаментальных принципах бытия и познания, понятие истины – как абсолютной, так и относительной – не лишено смысла.

В.А. Лекторский. С таким пониманием философии я в целом согласен. Мне приходилось неоднократно и подробно писать об этом, например, в статьях «Философия как понимание и трансформация» (Вопр. философии. 2009. № 1), «Философия, общество знания и перспективы человека» (Вопр. философии. 2010. № 8), обе статьи перепечатаны в моей книге «Философия, познание, культура» (М., 2012). В названных работах я обосновываю тезис о том, что философия – это самосознание культуры и вместе с тем способ ее критики и трансформации, включая такой важнейший компонент культуры, как наука, и включая самого человека. Философия – это прежде всего глобальный проект, задание определенных идеалов и норм познания и деятельности. Как я уже говорил, проект не есть знание и не может оцениваться в терминах истины и лжи. Он может быть или не быть успешным, быть более или менее успешным. Но любой проект должен каким-то образом обосновываться, т. е. использовать некоторые знания. Философия использует такие знания о человеке и существующей культуре. Нужно только иметь в виду, что и культура, и сам человек

историчны, меняются в связи с развитием науки и общества, в том числе под влиянием самой философии. А значит, знание, которое добывается в философии, имеет исторический характер. Но не только. В философии за тысячелетия ее развития добыто немало важного и ценного знания относительно структуры бытия, логики и категориального строя мышления, природы человека, его этических ценностей, его свободы и т. д. Но это такое специфическое знание, которое относится к предельным основаниям мира и человеческой деятельности, и поэтому часто имеет парадоксальный характер: свобода невозможна без необходимости; человек знает о мире посредством картины мира, которую он строит, но сама картина является частью мира; иллюзия противостоит реальности, но сама в некотором смысле есть часть реальности; сознание сознает само себя, что тоже является неким парадоксом; и т. д. Это такое знание, которое предполагает дальнейшую работу по его истолкованию – непростую работу, приводящую к появлению новых философских конструкций и вынужденную учитывать постоянно меняющийся культурный, социальный и научный фон. Философия – не просто одна из наук. И это не идеология. Философия – динамический фактор развития культуры и науки, проект и программа. Без нее ни наука, ни человек, ни культура невозможны.

Е.О. Труфанова. Мне кажется, проблема в дискуссиях об истине заключается в том, что, используя это понятие, мы автоматически начинаем подразумевать истину абсолютную, а ее достижение, как и достижение любого абсолюта, разумеется, невозможно. Абсолютная истина может быть дана религией верующему, науки же – и естественные, и социальные, и гуманитарные – никаких абсолютных истин не дают. В этом смысле более продуктивно, может быть, использовать другие понятия – объективности, обоснованности и т. д., и говорить об истине только как о недостижимом идеале, в попытке приблизиться к которому и осуществляется познание. Надо понимать, что идеал всегда не достижим, но это не мешает ему приносить пользу. К примеру, с помощью идеальных объектов в науке мы можем описывать свойства объектов реальных. Так и стремление к абсолютной истине должно вести к достижению промежуточных достоверных знаний.

В.А. Лекторский. Я не вижу различия между достоверными знаниями и объективными истинами.

Е.О. Труфанова. Мне представляется правильным в этом смысле анализ перехода от идеала истины к идеалу объективности в научном познании, который осуществляет в своем недавно переведенном на русский язык фундаментальном труде «Научная объективность и ее контексты» Эвандро Агацци. Суть этого перехода – в переносе акцента с предмета исследования (истина – это свойство, указывающее на соответствие предмета и нашего знания о нем) на метод исследования (объективность характеризует в первую очередь способ получения знания). А значит, главным критерием научности считается не то, что мы обязательно получаем абсолютно истинное знание, а то, каким образом мы идем к научному результату, как мы пытаемся в процессе научного познания элиминировать (насколько это возможно) все внешние влияния, включая влияния наших личностей и тех сообществ, к которым мы принадлежим. Объективность, таким образом, можно было бы определить как стремление приблизиться к истине.

В.А. Лекторский. Я хотел бы немного уточнить Ваше высказывание. Для Агацци идеал объективности знания не есть уход от идеала истины. И он считает, что без использования понятия истины нельзя понять природу научного знания. При этом, по Агацци, мы не только стремимся к получению истинного знания, но и обладаем им. Истинное знание соответствует своему предмету, т. е. указывает на реальный референт и верно схватывает его характеристики. Это знание, с точки зрения Агацци, является относительным не потому, что в нем не все истинно, а только потому, что оно относится к определенной области действительности и не применимо к тому, что выходит за пределы данной области (в этом смысле в сфере его применимости это знание можно рассматривать как абсолютное). Поэтому, например, знание, которое дает классическая механика, не перестает быть истинным с появлением теории относительности и квантовой механики, ибо истинность знания, даваемого классической механикой, относится к референтам определенного типа. Я разделяю эту точку зрения Агацци, о чем я и написал в предисловии к русскому изданию его книги.

Е.О. Труфанова. Спасибо за это уточнение. Так вот, нас сегодня интересует вопрос о возможности оставаться объективным в тех областях знания, где объекты исследования сами являются активными субъектами. Я не буду рассматривать различия между социальными и гуманитарными науками (хотя, они, несомненно, есть), я, скорее, хочу подчеркнуть их сходство, которое заключается в том, что в социогуманитарных науках исследователь имеет дело не с пассивными объектами, а с такими объектами исследования, которые сами оказываются активно действующими субъектами. Здесь можно сослаться на Я. Хакинга, очень точно схватывающего, в чем заключается основное отличие: объекты социальной реальности (например, типы людей, такие как «алкоголики») могут реагировать на описания, фиксирующие присущие им характеристики, и в свою очередь «подстраиваться» под эти описания. Такой эффект Хакинг называет «эффектом петли» (looping effect): к примеру, человек, злоупотребляющий алкоголем, встречает определение алкоголика, принимает его, применяет к себе и начинает действовать в соответствии с ним, подстраивая под него свое социальное поведение. Более того, пока мы не начинаем выделять такой класс людей, как «алкоголики», подобных людей не существует. До того момента, когда мы дали определение такому типу людей, ни они сами, ни общество в целом не относили этих людей в особый класс, а их злоупотребление алкоголем рассматривалось просто как индивидуальная особенность. Объекты материального мира – наблюдаемые или ненаблюдаемые – не подвержены «эффекту петли», они никак не реагируют на то, что мы думаем о них или как мы их описываем. Именно с «эффектом петли» и связаны основные трудности, которые испытывает представитель социогуманитарных наук в попытке приблизиться в своих исследованиях к истине.

Другая трудность заключается в том, что сам исследователь подвержен эффектам типа эффекта петли: позиция исследователя оказывается более подвижной, нежели в естественнонаучном познании, он не может быть абсолютно отстраненным, он всегда находится «внутри» исследовательской ситуации. Например, социальный ученый неизбежно принадлежит к некой социальной группе, разделяющей определенный набор ценностей, а ученый-гуманитарий

привлекает к исследованию собственный интроспективный опыт. Поэтому и возникает вопрос, правомерно ли вообще говорить о каком-либо знании в социогуманитарных науках.

Достаточно распространенной является позиция, согласно которой мы можем лишь обмениваться мнениями, выражающими наши ценностные установки относительно тех или иных общественных явлений, исторических событий, которым мы даем свои (ни к чему, с научной точки зрения, не обязывающие) трактовки. А что касается событий внутреннего мира человека, то их в принципе можно рассматривать как сугубо субъективные переживания. Следовательно, на их основе нельзя делать никаких выводов о наличии аналогичного опыта у других. Совсем недавно, принимая экзамен у аспирантов-историков, я услышала буквально следующее: мы, историки, не ищем истину, мы даем свою интерпретацию событию. Но тут можно возразить: если вы говорите о «событии», значит, считаете истинным хотя бы его? Действительно, одно событие может давать множество интерпретаций, но уже само утверждение о наличии «события» говорит о том, что некое историческое знание существует.

Но это ремарка в сторону, а я хотела бы сейчас вернуться к уже упомянутым Владиславом Александровичем в начале круглого стола социальным конструкционистам. Пожалуй, из критиков возможности истины и знания в гуманитарных науках они на сегодня самые яркие. Для социальных конструкционистов не только в гуманитарных науках истины нет, но и в естественных ее быть не может.

Психологи-конструкционисты обращают внимание на то, что когда мы проводим психологический эксперимент, его участники ведут себя не естественным, не спонтанным образом (как требовалось бы для чистоты эксперимента), а пытаются подстроиться под экспериментальную ситуацию, угадать ожидания экспериментатора и т. д. В эксперименте, где и субъект и объект – это люди, возникает особый тип отношений, отношений социальных, в которые оба неизбежно оказываются втянутыми. Таким образом, с точки зрения конструкционизма, экспериментальная психология теряет свои позиции. А поскольку все объекты психологии объявляются в конструкционизме временными социальными конструкциями, то в ситуации отсутствия постоянного объекта исследования никакое построение теории в психологии также невозможно. Психология перестает быть наукой и становится лишь определенным набором практик. Что касается истины, то для конструкционистов, пожалуй, будет возможным только логическое понимание, согласно которому истина выступает как определенная формальная характеристика высказываний. В остальных же случаях – там, где требуется переход от научного утверждения к миру, – никакой истины быть не может. Нам только кажется, что мы произносим слова, фиксирующие реально существующие в мире процессы и феномены, на самом же деле мы просто транслируем сложившиеся в нашей культуре, в обществе, в котором живем, способы говорения о тех или иных объектах. То есть наука ничем не отличается, к примеру, от обыденного знания или от идеологии. Более того, конструкционисты подчеркивают, что научный дискурс, поскольку он «застолбил» за собой особую привилегию высказывать «истинные» суждения о мире, становится мощным инструментом агентов идеологии. Власть опирается на науку для того, чтобы, грубо говоря, пользуясь репутацией последней

как источника истины, проводить в жизнь свои, идеологические концепты, выдавая их за научно истинные и объективные. Конструкционисты, в свою очередь, как раз и пытаются эту репутацию развенчать.

Цель конструкционистской критики, как утверждает в своей книге «Социальная конструкция в контексте» (Харьков, 2016) один из основателей этого направления Кеннет Герген, состоит в том, чтобы «обуздать бесцеремонные притязания на безграничную универсальность, на истину за пределами культуры и истории, и на факты без интерпретации» (с. 63–64). Для конструкционизма никакой разницы между гуманитарным знанием и социокультурными мифологиями не существует. То, что наука заявляет в качестве объективного знания, рождается под влиянием социокультурных мифологий и подводит основу под те или иные мифологемы. Согласно Гергену, социально-конструкционистский взгляд не уничтожает эмпирическую науку, но ограничивает ее притязания на обладание истинным знанием за пределами конкретных сообществ, т. е. об истинном знании мы можем говорить только в узком социокультурном контексте, в котором это знание получено. Мне же представляется, несмотря на справедливость ряда моментов социально-конструкционистской критики, что, если мы откажемся от признания возможности объективного исследования и поиска истинного знания, мы потеряем возможность взаимодействия и диалога культур и разных социальных групп, поскольку диалог и взаимодействие возможны только в случае нахождения общих оснований. Последние будут способствовать выработке такого понимания мира, в том числе социального мира, которое будет устраивать всех участников диалога.

Е.Л. Черткова. Тема судьбы гуманитарного знания, а именно в этом я вижу корень поставленной на круглом столе проблемы, не просто актуальна, она очень болезненна для всех, кто об этом думает. Гуманитарные науки – явные аутсайдеры, им не нашлось места среди приоритетных для государства направлений развития науки¹, ни одно из которых не связано с человеком как объектом социогуманитарного знания. А сформированная система управления академической наукой построена таким образом, что эпистемическая ответственность науки перед обществом заменена цифровыми показателями отчетности перед чиновниками. Это приводит к изменению организации научных исследований, деформирует логику развития науки, и в итоге в обществе создается новый образ науки. Сейчас мы чаще слышим не о гуманитарных исследованиях, а о производстве социально-гуманитарных знаний и технологий для решения конкретных задач, встающих перед управленческими и властными структурами, бизнесом и властью. Гуманитарные науки, как и науки естественные, все больше привлекаются к поиску средств, представление о научном исследовании как строящемся по формуле «вопрос–ответ» вытесняет моделью «заказ–ответ». Такой односторонне потребительский подход к науке лишает научное познание собственной ценности как знания, ориентированного на поиск истины, на раскрытие смысла и обоснование целей человеческой деятельности.

В самом названии темы нашей встречи объединены сразу две нетривиальные проблемы: какое знание можно считать наукой и является ли истина атрибутом научного знания. Оба вопроса дискуссионные. По большому счету

¹ См. Указ Президента РФ от 07.07.2011 № 899 (ред. от 16.12.2015) «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации».

это вопросы о возможности объективного знания о мире – природе, обществе и человеке. Сейчас существование объективной науки и возможность познания истины многими подвергаются сомнению или даже отрицаются. Распространение релятивизма неизбежно ведет к падению доверия общества к научному знанию. Дух науки все более чужд духу нашего времени, несмотря на разговоры об «обществе знания», и философия, к сожалению, также в этом повинна. Вместо усилий по утверждению и обоснованию ценностей рационализма, истины, свободы и ответственности как культурных универсалий, столь необходимых для сосуществования разных культур и объединения общества в глобализирующемся мире, все громче звучат голоса тех, кто защищает релятивизм под предлогом защиты свободы и демократии от диктата науки. Ну как тут не вспомнить разговор Горького с «поэтом» в «Несвоевременных мыслях», где под культурой тот понимал «все, что против свободы личности»? На протяжении всей истории, по крайней мере нововременной, наука именно благодаря поиску объективного истинного знания была объединяющей силой для людей разных культур, а научный этос, в чем я вполне согласна с К. Поппером, служил во многом образцом для построения демократического общества.

Если повернуть вопрос круглого стала «Возможна ли истина в гуманитарных науках» в социальную плоскость, то это будет вопрос о том, являются ли гуманитарные науки институцией, нацеленной на производство истинного знания? Думаю, что ученые-гуманитарии ответят на этот вопрос положительно.

Теперь о различии типов знания внутри большой науки (в обычном, не науковедческом смысле Д. Прайса). При первом приближении можно сказать, что естественные и социогуманитарные науки разделяются как науки о природе и науки о культуре (Г. Риккерт) или, если по Канту, как науки о природе и науки о свободе. Хорошо известны попытки отличать естественные и социогуманитарные исследования и по предмету, и по методу. Но любое различие оказывалось не абсолютным, а в процессе эволюции науки, расширения горизонта изучения как природы, так и человека у них обнаруживалось все больше общего. Процесс их сближения, или конвергенции, не означает преобразования гуманитарных наук по образцу естественных (такие попытки тоже были, однако не о них речь), но позволяет обнаружить глубинную общность научного познания в его разных сферах.

В упомянутой ранее (во вступительном слове) статье В.А. Лекторского, опубликованной еще в 2004 г. по итогам XXI Всемирного философского конгресса, на мой взгляд, убедительно показано, что в современной науке различия между естествознанием и социально-гуманитарным знанием (в статье речь идет о «науках о человеке») постепенно нивелировались и практически сошли на нет, если говорить о проблемах эпистемологии и методологии науки. Там этот вопрос разобран буквально по пунктам, и я лишь присоединяюсь к сделанному автором выводу (Вопр. философии. 2004. № 3. С. 44–49).

Я бы еще вспомнила последнюю работу М.М. Бахтина, специально посвященную методологии гуманитарного знания, – его заметки «К методологии гуманитарных наук». Прежде всего для нашей темы будет интересно, как он рассматривает составляющие компоненты и этапы характерного для данного типа знания процесса понимания, начиная от психофизического восприятия физического знака до его контекстуального понимания и включе-

ния в научную коммуникацию (см. в кн.: Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 381–393)². Сказанное им о гуманитарном знании можно отнести и к знанию естественнонаучному. И это касается не только характеристики процесса понимания, но и таких проблем эпистемологии, как объективность и ее соотношение с субъективностью. Например, Бахтин пишет о понимании смысла как «отнесения к завершенному целому и отнесения к незавершенному контексту» и отмечает, что будет неправильно остановиться только на отнесении к контексту с его изменчивостью и незавершенностью, надо дальше двигаться к завершенному целому. Предлагая личностную интерпретацию эксперимента в естествознании как «вопрос–ответ», он тут же замечает, что «персонализация ни в коем случае не есть субъективация». Говоря о точности в гуманитарных науках, Бахтин определяет ее как «преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое». Это существенно для понимания объективности в гуманитарном знании. А вот его замечание о вещи и смысле, которое представляется мне очень важным в свете современного понимания проблемы субъективности познания и объективности знания: «Нельзя забывать, что вещь и личность – пределы, а не абсолютные субстанции. Смысл не может (и не хочет) менять физические, материальные и другие явления, он не может действовать как материальная сила. Да он и не нуждается в этом: он сам сильнее всякой силы, он меняет тотальный смысл события и действительности, не меняя ни йоты в их действительном (бытийном) составе, все остается как было, но приобретает совершенно иной смысл (смысловое преобразование бытия)» (Эстетика словесного творчества, с. 387–388). По Бахтину, познание вещи (естествознание) и познание личности (гуманитарные науки) это лишь пределы. В причастности к целому природа и все ее явления в какой-то мере личностны.

Бахтин писал именно о гуманитарных науках, но данное им определение их предмета – «выразительное и говорящее бытие» – уже указывает на единство мира и, соответственно, на единство научного знания. Именно поэтому многое из сказанного им о гуманитарном знании вполне применимо и к естественно-научному знанию, не подразумевая в то же время отсутствия различий между ними, о которых сегодня уже много говорилось.

Что касается основного вопроса дискуссии, то мой ответ можно выразить в форме вопроса в духе Канта: как возможна гуманитарная наука без истины? Здесь полезно вспомнить многозначность понятия «истина». Греческое «*aletheia*» означает нечто непреходящее, почти что вечное – то, что не смывает поток Леты, то, что есть. Латинское же «*veritas*» означает то, что «верно», что может быть проверено, верифицировано в чувственном опыте или научном эксперименте. Именно в «латинском» значении данное понятие чаще употребляется в отношении естественно-научного знания. Для гуманитарного знания я бы выбрала греческое «алетейя», нацеливающее на поиск устойчивого и неизменного за видимым разнообразием и текучестью, поиск не столько общего, сколько важного для человека. Очевидно, что названные понятия тесно взаимосвязаны, ибо проверяемо то, что есть, существует, а существующее откры-

² У Бахтина, конечно, несколько иная терминология: восприятие, узнание, понимание значения в языке, включение в контекст, включение в диалогический контекст, оценка степени глубины и универсальности.

вается в чувственном созерцании или эксперименте. Но я усматриваю здесь важное для нашей темы смысловое различие. Гуманитарии ищут глубинные цели, мотивы, смыслы, ценности человеческой деятельности.

Отказ от истины часто мотивируют тем, что наука никогда не дает и не может дать полного и окончательного знания о мире. Но такое понимание истины – как догмы – противоречит характеру науки и ее истории. Как писал Э. Доддс, ошибка в науке – лишь другое название пути, приближающего к истине. Важно различать стремление к истине и обладание ею. Стремление к истине является конститутивным, движущим принципом науки, тогда как претензии на обладание ею чреваты догматизмом, препятствующим движению к новому знанию. Критический дух науки противоречит признанию любого достигнутого знания «абсолютной истиной», идеалы по природе своей хотя и существуют, но не наличествуют. Можно сказать и более категорично: истина существует в стремлении к ней. Реализация идеала истины требует постоянных непрекращающихся усилий, что гарантирует бесконечность познания. Отказываясь от истины как своего гносеологического призвания, долга и обязанности, наука теряет не только свою гносеологическую, но и этическую ценность. Исключение идеала истины из эпистемологии означает допустимость ложных, хотя, возможно, и полезных для определенных целей концепций. Такая перспектива в условиях «прикладнизации» науки, в том числе и гуманитарной, делает проблему истины не только гносеологической, но и этической. Признание истины как идеала или регулятивной идеи науки и означает направленность познания на реальность, а не на создание иллюзий или мифов. В понимании роли истины в науке я не вижу принципиальной разницы между науками естественными и гуманитарными.

Несколько слов по вопросу о гуманитарных науках и мифах. Мифы, конечно, присутствуют в науке, но они могут выполнять разные функции. Нередко мифы использовались как образы, символы, метафоры. Вспомним хотя бы использование Платоном «мифа о пещере» для объяснения человеческого познания. В то же время критика мифа для гуманитарных наук стала истоком и движущей силой их развития как теоретического знания. Миф может быть средством теоретического освоения мира, выполняя роль модели, образа, даже умственного эксперимента. Но он может из средства превратиться в цель, когда специально сконструированный миф утверждается от имени науки. Научообразное мифотворчество, создающее полезные иллюзии вместо объективного знания, может применяться для решения практических, политических задач под прикрытием авторитета науки. Сконструированные для политических задач мифы выполняют функции идеологии. Когда ни одна из провозглашаемых политическими партиями или группами программ (либеральная, демократическая, социалистическая и т. д.) не выполняется и, напротив, возникает нечто совершенно противоположное провозглашаемым целям (вместо демократии – укрепление авторитаризма, вместо цивилизованного рынка – расцвет мафиозного капитала, вместо роста благосостояния народа – его невиданное падение), формируется плодородная почва для реанимации мифологического сознания. Сейчас можно говорить о ремифологизации сознания, ибо почва для мифотворчества особенно благоприятна вследствие крутого поворота в нашей истории при полной непроясненности той исторической перспективы, которая могла бы быть приемлемой для общества в целом. Конечно, невозможно искоренить

мифологию, но можно и даже необходимо осуществлять ее критику, предполагающую осмысление реальности и место самого мифа в этой реальности. Последнее всегда было важнейшей функцией философии и гуманитарных наук.

Хотела бы привести еще один довод в пользу единства гуманитарной и естественной науки, а также утвердительного ответа на вопрос круглого стола о возможности истины в гуманитарных науках. Как показала история становления гуманитарных наук, простой перенос методов и понятий из естествознания не делает эти науки более «научными», но зато приводит к потере их специфики, определяемой особенностями предмета исследования, и это побуждает разрабатывать собственные методы. Примечательно следующее: своеобразие методов, выработанных в гуманитарных науках, способствовало и более глубокому пониманию человеческой природы естествознания, что и стало одним из путей их конвергенции. Но кроме методов есть еще и общий дух науки, или, если по Г. Башляру, «научный дух», создающий общие основания, которые позволяют относить гуманитарные и естественно-научные дисциплины к научному знанию. В докладе 1952 г. «Научное призвание и душа человека» Башляр утверждал: «Научная мысль примечательна тем, что она является одним из организующих начал человеческой психики; она направлена на сохранение, на повторное нахождение, на постоянное обновление, на исправление, на пересмотр результатов своей деятельности» (См. в кн.: Новый рационализм. М., 1987. С. 330). Это то, что в другом месте он называл «тонусом рациональности». В высказывании Башляра словами обычного языка выражена эпистемическая суть науки как особого способа познавательного отношения с миром и, хотя Башляр писал о естествознании, все перечисленные признаки равно характеризуют и естественные, и гуманитарные науки. По моему мнению, quintessenciu духа науки можно выразить через понятия беспристрастного, т. е. непредубежденного объективного исследования, рационального обоснования, проверки и критики. Все это не чуждо и гуманитарным дисциплинам.

Отмечу еще одну важную мысль, высказываемую Башляром в его рассуждениях о «научном духе». Это идея познания как этического долга и экзистенциальной ценности науки. Объективность Башляр рассматривал не только как атрибут науки, но и как цель личностного совершенствования ученого, как его моральный долг. Благодаря своему новаторскому характеру, наука обладает и экзистенциальной ценностью, преображая человеческое сознание и самосознание, а через это и человеческую жизнь. Благодаря «научному духу» наука и оказалась наиболее успешным способом реализации присущего человеку по его природе познавательного интереса, что стало основанием ее общественно-го признания или авторитета.

Завершить свое выступление я бы хотела словами гуманитария, известного лингвиста, академика Андрея Анатольевича Зализняка из его речи на церемонии вручения ему литературной премии Александра Солженицына: «Истина существует, и целью науки является ее поиск». Я полностью поддерживаю этот вывод.

В.А. Лекторский. Помните стихи Пушкина: «Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман»? Миф, обман может иногда возвышать. Но лучше все-таки в жизни обойтись без мифов. Я согласен с Еленой Олеговной и Еленой Леонидовной: наука (будь то естественная или гуманитарная) с мифом несовместима.

Г.Д. Левин. Вопрос, возможна ли истина в гуманитарных науках, являющийся предметом нашего обсуждения, чрезвычайно многогранен. Я рассмотрю лишь один его аспект: могут ли быть истинными высказывания, в которых формулируются исторические законы. Г. Риккерт отвечает на него совершенно однозначно, называя понятие исторического закона *contradictio in adjecto*. Получается, что это понятие не просто ложно, а бессмысленно. Тезис Риккерта с сочувствием цитируется сегодня не только в теоретических работах, но и в вузовских учебниках. Тезис доказывает тот, кто его выдвигает. Рассмотрим эти доказательства.

Самый популярный аргумент в пользу данного тезиса – постулат о свободе человеческой воли, понимаемой как ничем не детерминированная причина человеческих поступков. Логика проста: все, что создано человеческой историей, – это воплощение человеческих волей, поскольку же они свободны, т. е. беспричинны, постольку ничем не детерминирована и человеческая история. А там, где нет детерминации, нет и законов.

Риккерт решительно отвергает этот аргумент. Отрицание законов социума, в частности и исторических законов, он основывает на постулате, который его ученик М. Хайдеггер формулирует просто и ясно: историк излагает неповторимое, естествоиспытатель – всеобщее. Один занимается обобщением, другой индивидуализацией. Риккерт вслед за В. Виндельбаном понимает закон как общую связь, т. е. связь между общими свойствами предметов. Историк же, утверждает он, исследует неповторимое, т. е. единичное, в том числе и неповторимые, уникальные связи между уникальными признаками. А сингулярная связь – это не закон по определению. Следовательно, «исторический закон» есть *contradictio in adjecto*. Законы существуют только в природе – там, где есть общие свойства и общие связи между ними. Тезис доказан.

У меня два аргумента против этого доказательства. Во-первых, общие, т. е. сходные, одинаковые признаки есть и у социальных объектов. Во-вторых, общность – не дефинитивный признак закона, в том числе и естественнонаучного: Дефинитивный признак закона – необходимость. А она имеет место и в уникальных явлениях: даже если бы в мире осталось только два небесных тела, они взаимодействовали бы по закону всемирного тяготения. Всеобщность – лишь симптом, форма проявления необходимости. Необходимость и всеобщность не совпадают даже экстенционально. Поэтому Риккерт демонстрирует философское невежество, когда отождествляет эти две категории, утверждая, что закономерный вообще означает одно и то же, что и необходимый. Необходимое еще Аристотель определил как то, что не может быть иным, а случайное – как то, что хотя и существует, но могло бы быть и иным. Следовательно, вопрос, существуют ли исторические законы, сводится к вопросу, существует ли историческая необходимость, которой подчиняются все, в том числе и уникальные исторические события.

Я вывожу утвердительный ответ на этот вопрос из исходных принципов последовательного детерминизма, согласно которому необходимы все события, происходящие как в природе, так и в социуме. Распространено мнение, что последовательный детерминизм принимают лишь обскуранты и маргиналы. Но вот наибольшая выставка цитат, показывающая, что эта концепция проходит чрез всю историю философии и разделяется самыми выдающимися мыслителями:

Люди измыслили идол /образ/ случая, чтобы пользоваться им как предлогом, прикрывающим их собственную нерассудительность (*Демокрит // Материалисты древней Греции*. М., 1955. С. 69).

Всякое событие, как бы оно ни казалось случайным или как бы оно ни было произвольным, наступает с необходимостью (*Гоббс Т.* Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 558).

...каждое отдельное проявление воли может определяться к существованию и действию только другой причиной, эта – снова другой, и так до бесконечности (*Спиноза Б.* Избр. произведения: в 2 т. Т. 1, М., 1957. С. 389).

Случайность или безразличие существует только в нашем суждении, являясь следствием нашего неполного знания, но не находится в самих вещах, которые всегда одинаково необходимы (*Юм Д.* Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 447).

Ум, которому были бы известны для какого-то данного момента все силы, одушевляющие природу, и относительное положение всех ее составных частей, если бы вдобавок он оказался достаточно обширным, чтобы подчинить эти данные анализу, обнял бы в одной формуле движения величайших тел Вселенной наравне с движением легчайших атомов: не осталось бы ничего, что было бы для него недостоверным, и будущее, так же, как и прошедшее, предстало бы перед его взором (*Лаплас П.* Опыт философии теории вероятностей. М., 1908. С. 9).

Позднее такой ум назвали демоном Лапласа.

Все, что случается, от самого великого до самого малого, случается необходимо. *Quidquid fit necessario fit* (*Шопенгауэр А.* Свобода воли и нравственность. М., 1992. С. 99).

Случайность является ... мерой нашего невежества (*Пуанкаре А.* О науке. М., 1990. С. 415).

Бог не играет в кости (А. Эйнштейн).

Это цитирование можно было бы продолжить, но и из сказанного ясно, что последовательный детерминизм имеет не менее солидную родословную, чем непоследовательный, или, как его еще называют, мягкий, допускающий объективное существование не только необходимых, но и случайных событий. «Случайность» согласно последовательному детерминизму – не онтологическое, а гносеологическое понятие. Случайным мы называем событие, необходимость которого мы в настоящий момент или в принципе не можем понять. Замечу, что при исследовании таких событий мягкий детерминизм не имеет никаких преимуществ перед последовательным, «твердым»: ведь причину-то события не знают оба, но первый призывает искать ее, а второй снимает эту задачу

Согласно последовательному детерминизму все исторические события однозначно детерминированы, но детерминированы значительно большим количеством факторов, чем природные, например, солнечные затмения. И поэтому их труднее объяснить и предсказать. Но логически не следует (какую бы логическую систему не использовать), что в социуме отсутствуют необходимые связи, в том числе и исторические законы, и потому не стоит даже пытаться их искать. Чем мощнее познавательные возможности человека, тем полнее будут описываться и исторические законы.

Обращаю внимание на тот факт, что последовательный детерминизм снижает и главный аргумент в пользу отсутствия исторических законов – ссылку на свободу человеческой воли. Вот что пишет об этом И. Кант: «Можно допустить, что если бы мы были в состоянии столь глубоко проникнуть в образ мыслей человека, как он проявляется через внутренние и внешние действия, что нам стало бы известно каждое, даже малейшее побуждение к ним, а также все внешние поводы, влияющие на него, то поведение человека в будущем можно было бы предсказать с такой же точностью, как и лунное или солнечное затмение» (*Кант И.* Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 428). Заметьте, это не Лаплас, а Кант.

Я, разумеется, рассмотрел не все аргументы в пользу тезиса, что понятие «исторический закон» есть *contradictio in adjecto*, но, надеюсь, показал, что он не столь очевиден, как принято считать.

В.А. Лекторский. Подведу некоторые итоги нашему интересному и, по-моему, плодотворному обсуждению.

Философы тысячи лет обсуждают проблему истины. Это одна из «вечных» философских тем. Речь идет о понимании того, что есть знание и познание, об отношении человека к миру. Обычный человек сознательно или бессознательно опирается на множество знаний: он знает, например, что не провалится, если будет ходить по земле, но утонет, если попытается таким же способом двигаться по воде, он уверен в том, что перед ним стоит дом, а не бегемот, он знает близких людей, знает, когда и где родился, знает, как можно плавать, как ездить на велосипеде, как забивать гвозди (эти навыки опираются на соответствующие знания неких зависимостей) и т. д. Если бы человек не располагал множеством знаний, он не мог бы существовать. И все эти знания являются истинными, ибо ложное знание не есть знание.

Сложнее дело обстоит, если мы выходим за рамки мира здравого смысла и пытаемся понять характер научных теорий и тех объектов (абстрактных, теоретических, идеальных), с которыми теории имеют дело. Некоторые философы науки считают, что нельзя говорить об истинности теорий, другие им решительно возражают. Но в любом случае подавляющее большинство ученых и философов, исследующих науку, признают, что последняя получила множество истинных знаний, к которым относятся не только экспериментальные факты, но и утверждения об определенных общих зависимостях, фиксируемых в виде формулировок законов и т. н. «естественных типов» (*natural kinds*), утверждения о природных константах, не говоря уже об истинах математики («дважды два равно четыре», «квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов» и т. д.). Истинные знания получают и социальные, и гуманитарные науки. Примеры такого рода знаний приводились в нашем обсуждении. Конечно, нужно различать общее понимание того, что есть истина, и проблему ее критерия. Но если даже признавать, что такие критерии есть (а не все философы это признают, даже если они считают, что реальное положение дел существует), все равно такие общие критерии не могут дать точного рецепта, как ответить в каждом конкретном случае на вопрос, является ли данное утверждение истинным. Формулировки критериев истины могут дать лишь общие рекомендации относительно того, как должен действовать ученый для того, чтобы надеяться получить истинное знание: например, согласовывать форму-

лируемые им утверждения с тем, что принято в качестве истинного научным сообществом (в какой форме это согласовывать и всегда ли это нужно делать, можно понимать по-разному), подтверждать общие высказывания эмпирическими фактами (при этом способы такого подтверждения можно тоже понимать по-разному, как об этом свидетельствуют споры в философии науки: от Р. Карнапа до К. Поппера, Т. Куна и И. Лакатоса). Но даже применение этих общих рекомендаций (можно считать их критериями истины) не дает гарантии, что в том или ином случае мы обладаем истинным знанием. Этот вопрос (который Андрей Вячеславович называл процедурным) решается с помощью конкретных способов оценки тех или иных утверждений ученого, принятых в определенной научной дисциплине. Философию интересует общий вопрос: можно ли рассчитывать на получение истинного знания в познании вообще, в научном познании в частности. (К одному античному философу обратились с просьбой решить вопрос о том, является ли некая картина подделкой или подлинником, на что он ответил: «Мудрец сомневается только в истине»). В состоявшейся дискуссии на круглом столе нас интересовало именно, можно ли рассчитывать на получение истинного знания в гуманитарных и социальных науках, принимая во внимание специфический предмет этих наук и некоторые популярные сегодня мнения о том, что гуманитарные изыскания не являются научными, ибо занимаются фабрикацией мифов.

Мне кажется, что все участники круглого стола пришли к выводу о том, что в гуманитарных науках истинное знание и нужно, и возможно, и имеется. Хотя получать его непросто. И потому, что человек включен в сверхсложные развивающиеся системы, прогнозировать поведение которых в ряде случаев невозможно, и потому, что он сам является такой сверхсложной системой и к тому же обладает свободой воли и может принимать решения, которые трудно предугадать (иногда человек и сам не знает, как поступит в необычной ситуации), и потому, что высказывания о человеке изучающего его ученого (психолога, социолога, экономиста) влияют на поведение изучаемого, и потому, что в социальных и гуманитарных науках на характер исследования могут существенно воздействовать культурные ценности и идеология исследователя, и по ряду других причин, о которых мы говорили в ходе нашего обсуждения. Обладание знанием о том или ином явлении и возможность найти его причины, т. е. возможность объяснить его, не всегда означает также способность прогнозировать его будущие состояния. Это относится и к некоторым природным процессам, и, тем более, к человеку и его творениям – обществу и культуре. Но и в социогуманитарной области прогнозирование в ряде случаев может быть довольно успешным, о чем свидетельствует опыт психологии, социологии, экономики. На этом основаны разные социальные технологии, которые довольно успешно применяются – иногда на пользу человеку (психотренинг, психологическое консультирование, педагогические технологии сценарии экономического развития, демографические прогнозы и т. д.), а иногда во вред ему (пиар-технологии, политехнологии, техники зомбирования и пропаганды и т. д.). Информационные и когнитивные технологии могут быть использованы как на пользу человеку, так и во вред ему. Но успешные технологии возможны только тогда, когда есть знание об определенных зависимостях. Значит, такие истинные знания о человеке действительно есть, и этих знаний сегодня

уже немало. Другое дело, как эти знания могут быть использованы. Мне пришлось писать о том, что современный человек с помощью науки и созданных с ее помощью технологий подошел к краю пропасти. Он может высоко взлететь, но может и упасть глубоко вниз. Задача в том, чтобы развитие гуманитарных наук и наук о человеке и обществе стало средством человеческого развития, а не средством деградации человека: превращения его в пост-человеческое существо, в нелюдь.

Тематика нашего обсуждения непростая и допускает разные точки зрения. Такие разные позиции и продемонстрировали участники. Спор был острым, и вместе с тем результативным. Я думаю, что все мы согласны, по крайней мере, с тем, что философское осмысление гуманитарных и социальных наук сегодня насущно необходимо. От этого зависит развитие этих наук, а значит, и судьба самого человека.

**“Is the truth possible in humanities?”.
Papers of the “round table”. Part 2**

Natalia S. Avtonomova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: avtonomovanatalia@gmail.com

Vladislav A. Lektorsky

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Goncharnaya Str. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation. E-mail: v.a.lektorski@gmail.com

Georgiy D. Levin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: g.d.;levin@mail.ru

Sophia V. Pirozhkova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: pirozhkovasophia@mail.ru

Natalia M. Smirnova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: nsmirnova17@gmail.com

Elena O. Trufanova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: eltrufanova@gmail.com

Elena L. Chertkova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: eleon2005@mail.ru

The publication provides the full papers of the “round table” discussion that was organized by the journal “Philosophy of science and technology” in March 2017 at the RAS Institute of Philosophy. The participants are some of the leading Russian researchers in the field of

epistemology and philosophy of science: V.A. Lektorsky, I.T. Kassavin, A.L. Nikiforov, N.S. Avtonomova, N.M. Smirnova, V.P. Filatov, G.D. Levin, E.L. Chertkova, A.V. Rodin, S.V. Pirozhkova, E.O. Trufanova. The following questions are discussed: is there a principle difference between natural scientific knowledge and knowledge in humanities, is there a difference between humanities and social sciences and between humanities and human sciences? Do the humanities gain knowledge about the reality or they just construct it? Do experiments in humanities and humanitarian technologies exist? What is the correspondence between knowledge in humanities and social-cultural mythologies and can we separate them from one another? During the discussion different answers to these questions are provided.

Keywords: truth, humanities, objectivity, knowledge, reality, realism, constructivism

Acknowledgements: Research of S.V. Pirozhkova was funded by Russian Foundation for Basic Research (Project № 15-03-00875).